

Используя руку Янь Уши в качестве опоры, Шэнь Цяо смог выровнять дыхание. Сосредоточив силу в руке, он погрузил Шаньхэ Тунбэй в каменную стену. После чего, ступив на выпирающий край расщелины, он одним толчком подпрыгнул, повернулся и приземлился рядом с Янь Уши.

На самом деле это место не было пещерой, просто со временем каменная стена треснула, из-за чего сформировалась расщелина. После того как город был погребён ветром и песком, по прошествии многих лет он стал единым целым с подземным миром.

Прежде чем он успел что-либо спросить, Янь Уши сказал:

— Внизу должен быть рубиновый халцедон, который ищет Чэнь Гун.

Шэнь Цяо только-только прочно встал на ноги, поэтому он не сразу обратил на это внимание. Как только он посмотрел вниз, сразу заметил тёмно-красное свечение. При дневном свете оно бы не особо выделялось, но в темноте светилось ослепительно ярко, так, что переливалось красным светом, подсвечивая лица людей.

Спускаясь, они сделали несколько поворотов в сторону: повсюду халцедон ярко мерцал. Однако все они были глубоко вросшими в скалы. Непонятно, каким образом можно их выкопать. Конечно, халцедон был достаточно красив, но зачем Чэнь Гун позвал их с собой? У Императора Ци он пользовался почётом и любовью, был осыпан богатством и славой. Даже Мужун Цинь теперь непоколебимо предан ему, не говоря уже о бесчисленных сокровищах, которые теперь принадлежали ему. Прежде у Чэнь Гуна не было ничего, поэтому, вероятно, он бы поставил на кон свою жизнь, чтобы достать халцедон, но сейчас он обладал многим. Так для чего же он пошёл на такие риски, чтобы добраться сюда?

Шэнь Цяо отвёл взгляд и обернулся.

— Большое спасибо. Как ты здесь оказался?

Проигнорировав вопрос Шэнь Цяо, Янь Уши сказал совершенно другое:

— Есть короткий путь, ведущий к месту внизу.

— Ты уже спускался туда?

— Я не подходил близко. Там две обезьяны охраняют проход.

— Ты видел нефритовый цистанхе?

Янь Уши кивнул.

Шэнь Цяо быстро проверил своё состояние: на теле имелось около дюжины больших и маленьких порезов, большая часть из которых были получены от обезьян, когда он пытался защитить Янь Уши. Была пара царапин от падения, но всё это лишь поверхностные травмы. Даже если когти обезьян были покрыты ядом, он не сильно токсичен, так что истинная ци запросто выведет его из организма.

Раны Чэнь Гуна были более серьёзными.

— Обезьяны жили здесь веками, не видя белого света. В качестве пищи они поглощали пауков с человеческими лицами и нефритовый цистанхе, поэтому имеют твёрдую плоть, которую невозможно разрубить ничем, кроме меча, пропитанного истинной ци. Обезьяны легки и проворны, словно ласточки — вот почему с ними так трудно иметь дело, — сказал Янь Уши.

Шэнь Цяо же, наоборот, был более оптимистичен в своих словах:

— Раз так, пошли проверим, всё равно уже здесь. Мы в шаге от конечной цели — нефритовый цистанхе точно излечит твои внешние повреждения.

Янь Уши взглянул на него.

— Разве тебе не нужно передохнуть?

Шэнь Цяо покачал головой.

— Давай сначала заберём цистанхе на всякий случай. Неизвестно, что будет, когда мы вновь столкнёмся с Чэнь Гуном и остальными.

Янь Уши кивнул и больше ничего не сказал.

— Следуй за мной.

Он пошёл впереди, Шэнь Цяо последовал за ним.

Как только они отошли дальше, красное свечение от рубинового халцедона исчезло, и тропу снова окутала тьма. Они старались идти лёгкими шагами; среди шелеста их одежды звуки дыхания двух людей переплетались друг с другом, создавая атмосферу, которая могла показаться интимной, но на самом деле была отчуждённой.

Дорога была недолгой, но на пути встречалось довольно много извилистых поворотов. Янь Уши шёл быстро, поскольку уже бывал здесь. Примерно через половину сожжённой палочки благовоний он внезапно остановился. К счастью, Шэнь Цяо среагировал быстро и вовремя затормозил, в противном случае он бы столкнулся с ним.

— Впереди есть... - обернулся и прошептал Янь Уши.

Однако прежде чем он успел закончить фразу, зловонный порыв ветра ударил им в лицо. Шэнь Цяо потянул Янь Уши за собой, а правой рукой поднял меч, блокируя этот порыв.

Нечто очень тяжёлое внезапно обрушилось прямо им на головы. Шэнь Цяо отступил на три шага назад, быстро вынув меч из ножен, он сделал выпад вперёд. Обезьяна издала протяжное шипение и тут же отступила, после чего снова бросилась на них. Наряду с этим вторая обезьяна также присоединилась к битве.

В крошечной темноте Шэнь Цяо ничего не видел, но остальные чувства мгновенно обострились. Отступив на пару шагов, он ждал, когда обезьяны набросятся одновременно. Шэнь Цяо влил истинную ци в меч, и снова появилась белая радуга, которая застигла врасплох обезьян. Когда лезвие пронзило их кожу, они завывали и ещё более ожесточенно напали на Шэнь Цяо.

— Я отвлеку их, а ты иди за нефритовым цистанхе! - сказал Шэнь Цяо Янь Уши.

Ему вовсе не обязательно было это говорить, так как Янь Уши уже наклонился, чтобы вырвать с корнем несколько зарослей белых плодов, по форме напоминающих алоэ, которые росли прямо над халцедоном в узкой расщелине. Изначально растения были серовато-белого цвета, но свечение халцедона придавало им бледно-красный оттенок. Из некоторых сломанных стеблей вытекала молочно-белая жидкость со слабым ароматом.

В легендах говорилось, что нефритовый цистанхе является чрезвычайно драгоценным растением, которое исцеляет раны. Возможно, даже в императорском дворце его невозможно найти. После того как Янь Уши сорвал несколько цистанхе, игнорируя всё происходящее вокруг, он вдруг посмотрел на халцедон, растущий под скалой. Затем он сделал нечто неожиданное: сорвал все цистанхе, которые уже начали плодоносить, уничтожил и сбросил их со скалы. Среди пылающего зарева плоды нефритового цистанхе вскоре скрылись из виду.

Когда он закончил с этим, с другого конца прохода донеслись звуки быстрых шагов. Группа Чэнь Гуна, наконец, смогла избавиться от стаи обезьян, однако на пути им снова встретились пауки. На некоторое время им пришлось замедлиться из-за битвы. В тот момент их снова догнали обезьяны. У них не было иного выбора, кроме как продвигаться вперёд, спасаясь бегством. Так они и оказалась здесь. Они надеялись, что, наконец, нашли выход, но, вопреки ожиданиям, оказалось, что они воссоединились со старыми знакомыми.

— Даочжан Шэнь?!

Голос Чэнь Гуна звучал довольно удивлённо и неуверенно. Он полагал, что окруженный обезьянами Шэнь Цяо не выживет. Однако тот не только выжил, но и прибыл сюда гораздо раньше.

У них не было времени для чувства вины или допросов, потому что обезьяны, оставшиеся позади, уже нагоняли их. Помимо этого, две обезьяны спереди, заметив Чэнь Гуна, решили сменить цель — они мгновенно бросились на новоприбывших. Шэнь Цяо же почувствовал некоторое облегчение в этот момент.

Чэнь Гун и его люди тихо выругались на невезение. Они предполагали, что наконец-то смогут получить халцедон после всех испытаний и невзгод, но вместо этого их ждала очередная ожесточённая битва. Обезьяны продолжали наступать свирепо и яростно. Если они полностью не уничтожат их, то не только ничего не получат, но и вообще не смогут покинуть это место.

Им ничего не оставалось, кроме как поднять оружие и сразиться с обезьянами. К счастью, они не были неуязвимыми. После продолжительного боя с группой Чэнь Гуна обезьяны были измотаны. Вскоре две обезьяны пали с перерезанными шеями от рук Мужун Циня и Шэнь Цяо.

У обезьян развились человеческие эмоции — когда заяц погибает, даже лиса горюет, заметив смерть своих сородичей, они стали более настороженными. Лишь вожака переполняла ярость, из-за чего он, словно безумный, бросился в бой.

Из-за своего безумия вожак находился в смятении, в то время как люди уже выработали некоторую тактику против обезьян — главное, не тратить зря все силы на ответную атаку. Шея являлась самым мягким и уязвимым местом на их теле — надо лишь дождаться удобного случая, чтобы тут же атаковать её мечом. Если не получится обезглавить, то удастся перекрыть кислород, и тогда обезьяна неминуемо умрёт.

В течение одной горящей палочки благовоний большая часть обезьян пала от мечей людей. Чэнь Гун, видя, что победа обеспечена, медленно вышел из боевого круга и подошёл к краю обрыва.

Скопление халцедона находилось всего в двух-трёх чжанах над скалой. Такая высота не являлась препятствием для человека, владеющего цингуном. Чэнь Гун проделал долгий путь от столицы Ци до этого места ради халцедона, даже чуть не погиб по дороге сюда. Теперь, когда конечная цель находилась прямо перед его глазами, ему трудно было сдержать волнение.

Он успокоился, отбросив все бесполезные эмоции. Затем повернулся и взглянул на Мужун Циня и остальных.

Из всей группы, что отправилась с ним, не считая самого Чэнь Гуна, осталось только трое: Мужун Цинь и его племянник Мужун Сюнь, а также человек по имени Са Куньпэн. Эти трое являлись лучшими мастерами боевых искусств из всей группы, однако в данный момент они сражаются с обезьянами. У Чэнь Гуна не было столько терпения, чтобы дождаться, пока они закончат битву, поэтому он сам прыгнул вниз вдоль каменной стены.

Внизу не было ни обезьян, ни пауков, только скопление халцедона в хрустальных гроздьях. Красное свечение не слепило глаза, и вовсе не походило на капли крови. Напротив, его вид действовал немного умиротворяюще и благоприятно. Чэнь Гун не мог скрыть своего волнения,

поэтому протянул руку и коснулся одного из них. Гладкая прозрачная кристаллическая поверхность отражала очертания его пальцев.

Потребовалось некоторое время, прежде чем его волнение окончательно улеглось.

Чэнь Гун огляделся. Эти кристаллы были естественного происхождения и несравненной крепости — будет довольно проблематично их извлечь. Потребуется около десятка, нет, возможно, даже сотни сильных мужчин с топорами, чтобы начать работы по выдалбливанию руды. И только спустя некоторое время получится добиться успеха.

Однако Чэнь Гун вовсе и не собирался забирать халцедон с собой. Каким бы уникальным и драгоценным ни был этот кристалл, его истинной целью было отнюдь не это.

Он отвязал меч Тай'э, который всё это время носил за спиной, нашёл халцедон с самым острым краем, после чего поместил соединение между рукоятью меча и корпусом на острый край кристалла.

Тихо хихикнув, он тут же разломал рукоять меча, из-за чего раздалось негромкое звонкое эхо. Знаменитый меч, который передавался из поколения в поколение, так просто сломался на две части.

Но Чэнь Гун при этом выглядел счастливым. Он сразу же отбросил клинок и с особой осторожностью вынул кусок шёлка из углубления в рукояти.

Шёлк был испещрён надписями. Чэнь Гун некоторое время пристально всматривался, а выражение радости на его лице становилось всё сильнее. Он стоял посреди скоплений халцедона и внимательно читал.

Но несколько мгновений спустя его выражение лица внезапно изменилось. Он посмотрел на правую руку и увидел, что вся ладонь уже стала пурпурной. Цвет постепенно распространялся вверх вместе с покалывающей и зудящей болью. Ему резко захотелось почесать руку. Как только Чэнь Гун сделал это, зуд по-прежнему не проходил. Он царапал до тех пор, пока кожа не начала кровоточить, но даже это не помогло.

Зуд и боль были настолько невыносимы, что складывалось впечатление, будто тысячи насекомых роятся под кожей и непрерывно кусают его. Вены начали проступать, извиваясь по направлению кровотока, медленно распространяясь к запястью.

Хотя никто этого не говорил, даже Чэнь Гуну было очевидно, что он отравлен.

Его уже ничего вокруг не беспокоило. Он в несколько прыжков вскарабкался обратно на скалу и вернулся в то место, где стоял изначально. К тому времени Мужун Цинь и Шэнь Цяо убили большую часть обезьян, вынудив вожака отступить. В этот момент Янь Уши запустил какой-то

механизм в стене, и огромный запечатывающий камень внезапно упал сверху. Все воспользовались этой возможностью и отступили. Камень отделял их от обезьян, давая группе время перевести дыхание.

Однако Чэнь Гун был всецело сосредоточен на отравлении, поэтому ему не было никакого дела до обезьян. Мужун Цинь, видя, как тот напуган, поспешил ему на помощь.

— Быстрее! Поторопись! У тебя есть с собой какие-нибудь противоядия?!

После того как Мужун Цинь увидел ладонь Чэнь Гуна, он был потрясён:

— Господин, это...?!

Пурпурно-синий цвет уже распространился на его запястье.

Чэнь Гун почти ревел:

— Противоядие!

Он уже принял довольно много всего, находясь у подножия скалы, но ни одно не возымело эффекта. Последнюю надежду он возложил на Мужун Циня.

Но пилюли от яда не являлись лекарством от всего. Всё, что было в наличии у Мужун Циня, имелось также и у Чэнь Гуна. Приняв несколько пилюль, Чэнь Гун был на грани отчаяния, так как ни одна из них не помогла.

Он никак не ожидал, что после всех препятствий, возникших на пути к конечной цели, он вот так просто умрёт в скором времени.

— Есть ли у даочжана Шэня какой-нибудь способ вылечить этот яд? - хрипло сказал он. Глаза Чэнь Гуна наполнились надеждой, будто Шэнь Цяо был его последней спасительной соломинкой.

Шэнь Цяо понятия не имел, каким образом тот отравился. Он видел только, как Чэнь Гун спускался со скалы, а когда он поднялся обратно, уже был таким.

— Внизу есть нечто ядовитое?

— Это халцедон! Эти кристаллы чрезвычайно ядовиты! Ты можешь спасти меня? Я слышал, что гора Сюаньду обладает особым умением очищать яды. Ты глава секты — у тебя должно быть много способов вылечить это. Если ты сможешь спасти меня, я отдам всё, что у меня есть,

чтобы отплатить тебе!

Шэнь Цяо покачал головой.

— Я ушёл в спешке и был вынужден прийти сюда из-за твоих угроз. У меня не было времени приготовить какое-либо противоядие.

Но Чэнь Гун подозревал, что Шэнь Цяо просто не хотел помогать. Он выудил из-за пазухи кусок нефрита и бросил его в сторону Шэнь Цяо.

— На самом деле, ещё до того, как ты согласился отправиться с нами, я освободил старика. Вероятно, он уже вернулся домой к внучке. Если ты мне не веришь, возьми этот нефрит и покажи его трактирщику Юньлая в столице. Я заплатил ему, чтобы тот держал старика при себе некоторое время. Даже если старик всё ещё там, покажи нефрит, и он тут же отпустит его. Я знаю, что ты благородный человек, который много раз в прошлом спасал мне жизнь. У меня не было другого выхода, как заставить тебя отправиться в эту поездку со мной. Я не собирался никому причинять вред. Ради нашей старой дружбы, пожалуйста, спаси мою жизнь!

Он говорил очень быстро. Можно было только представить, как он, должно быть, нервничал.

— У меня действительно нет противоядия, — беспомощно ответил Шэнь Цяо.

Как только он это сказал, лицо Чэнь Гуна посерело.

Он попытался вытеснить яд истинной ци, но циркуляция ци только ускорила вторжение яда. Увидев, что пурпурно-синий цвет почти достиг локтя, Чэнь Гун стиснул зубы и сказал Мужун Циню:

— Поторопись! Отрежь мне руку!

В этот момент наполовину скрытый в тени Янь Уши, который всё это время молчал, внезапно заговорил:

— Почему бы тебе не спросить меня, если ли иной выход из ситуации?

Автору есть что сказать:

А-уууу, сегодня были дела, поэтому объявление немного запоздало. Изначально я собиралась подсластить эту главу и добавить немного мужской любви, чтобы не быть избитой вами, однако закончу пока что на этом. Попробую завтра дописать этот эпизод за один присест. Чмок!

Вы заметили? Высокомерная и равнодушная личность Янь несколько обузда свою расчётливость~

<http://bllate.org/book/14532/1287362>